

ЧАСТЬ VI. УЧЕНЫЕ ВПИ–КГПИ–КГПУ–ТГГПУ В НАУЧНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И ТАТАРСТАНА

В.В. Тыринов (ТГГПУ, Казань)

Педагогическая деятельность М.Д. Бушмакина в Казанском коммерческом училище

Окончание учебы известного казанского историка-медиевиста и педагога М.Д. Бушмакина (1882–1958) в Казанском университете совпало с трагическими событиями в истории России. 16 января 1905 г. в «Казанской газете» было перепечатано правительственное сообщение о событиях 9 января в столице. Начались волнения среди студентов Казанского университета, пропуски лекций, попытки проведения собраний с политической окраской. 23 января в здании общежития произошла студенческая сходка. Согласно рапорту зав. общежитием, на сходке было около 700 чел.: «Из разговоров между собой уходивших со сходки можно было заключить, что на ней читались прилагаемые при сем прокламации, произносились на темы прокламаций речи, обсуждались вопросы о какой-то “забастовке”» (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11100. Л. 18-20). 24 января за подписью ректора появилось объявление: «с разрешения начальства, все учебные занятия в университете, временно, впредь до особого распоряжения, прекращены, и вход студентам в университет и во все учебно-вспомогательные учреждения университета закрыт» (Там же. Л. 33). Занятия возобновились лишь поздней осенью, а 3 декабря Совет историко-филологического факультета постановил: всем студентам IV курса «зачесть восьмой семестр и выдать им свидетельства о зачете восьми полугодий» (Ф. 977. Оп. Инспектор студентов. Д. 241. Л. 27).

Весной 1906 г. Бушмакин серебряным медалистом окончил университет и получил диплом первой степени, в котором говорилось, что с 1 июля 1902 г. до окончания образования он «пользовался в Университете стипендию Министерства Народного Просвещения, почему он... обязан за каждый год получения стипендии прослужить, по назначению Начальства, в подведомственных сему Министерству учебных заведениях полтора года» (Архив КГПУ. Оп. 39. Д. 92. Л. 52).

С работой М.Д. Бушмакину повезло: летом 1906 г. он был принят в число преподавателей недавно образованного Казанского коммерческого училища. Сам факт его открытия можно считать своеобразным откликом на изменения в жизни страны рубежа двух столетий. Повышение спроса на интеллектуальный труд и возникающая потребность в новых специалистах привели к появлению новых высших и средних учебных заведений.

Директором училища был назначен опытный педагог и умелый организатор А.И. Немировский. На первое время (с ноября 1904 по июль 1907 гг.) для занятий были арендованы 8 комнат в большом доме «потом-

ственного почетного гражданина» Л.В. Кекина. «Наемная плата за помещение» определялась в 2200 руб. в год (НА РТ. Ф. 120. Оп. 1. Д. 1. Л. 2). Позднее к сооружению собственного здания училища были привлечены состоятельные горожане. Братья М.И. и К.И. Оконниковы, М.Ф. Шамов и Н.В. Унженин пожертвовали внушительный капитал – 75 тыс. руб. Недостающую сумму в виде кредита выделил Волжско-Камский коммерческий банк. Строительство здания училища по конкурсному проекту архитектора Д.В. Розова осуществлялось с 1907 по 1911 гг. Здание Коммерческого училища хорошо сохранилось и используется по прямому назначению: ныне в нем размещается сельскохозяйственная академия.

Занятия в училище проводились по программам средней школы с добавлением специальных дисциплин. В протоколах заседания педагогического комитета фамилия М.Д. Бушмакина впервые встречается 14 августа 1906 г. Ему поручалось проведение уроков по русскому языку в первом и втором классе, истории в третьем классе (там же, Д. 7а. Л. 92об). Преподавателем французского языка была Жанна Папп, впоследствии жена М.Д. Бушмакина (Архив КГПУ. Оп. 39. Д. 15. Л. 10).

Бушмакин часто выступал на заседаниях педагогического комитета. Так, в декабре 1906 г. в протоколе записано его выступление, выражающее методические позиции начинающего педагога: «преподавателю приходится быть маленьким хотя бы энциклопедистом; каждый предмет требует, чтобы преподаватель его был всесторонне образованным человеком, чтобы не затрудниться прозой при поэтическом уроке и поэзией в уроке, касающемся прозаических предметов, как это постоянно имеет место при объяснительном чтении на уроках русского языка» (Ф. 120. Оп. 1. Д. 7а. Л. 23). В марте 1907 г. он выступал при обсуждении вопроса об успеваемости и дисциплине учащихся. По его мнению, «в деле обучения не всегда можно взять интересом; нельзя забывать, что корень учения горек и лишь плоды его сладки» (Там же. Л. 38, 39).

Требования к учащимся были довольно высокими, и когда в 1911 г. первый набор дошел до выпуска, то в нем осталось всего 4 чел. К выпускным экзаменам М.Д. Бушмакин подготовил программу по новой истории. Её содержание позволяет представить понимание историком вопроса о границе между средними веками и новым временем. По этому вопросу в 1905 г. развернулась обширная переписка между профессорами Казанского университета и чиновниками Министерства просвещения. Историки подчеркивали, что «...точной границы между средними веками и новым временем провести нельзя, и разные авторы определяют таковую границу различно, но наиболее распространенным пунктом деления все же и ныне является конец XV века» (Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11089. Л. 5об). Этой же точки зрения придерживался и М.Д. Бушмакин.

Анализ программы показывает, что преподаванию новой истории в училище Бушмакин уделял больше внимания, чем истории древнего мира и средних веков. На экзамен он вынес 26 развернутых вопросов по этой

дисциплине, в т.ч. 3 вопроса по истории Английской революции середины XVII в., 4 – по истории Великой французской революции (Ф. 120. Оп. 1. Д. 20. Л. 194, 194об, 195). Судя по формулировкам, в процессе преподавания он делал упор на рассмотрении политической истории стран Европы. События за пределами европейского континента в программе лишь упоминались («Американские колонии. Восстания американцев. Конституция Соединенных Штатов 1787 года»). Вероятно, вопросы экономического развития, социального состава общества не являлись предметами изучения. Слово «экономика» лишь однажды встречается в программе – в формулировке «Кольбер и его экономическая политика». Термины «промышленность», а тем более «промышленный переворот» также не упоминаются. В то же время достоинством программы является включение в нее основных документальных источников данного периода. Это Петиция о правах 1628 г., Habeas Corpus Act 1679 г., Конституция США 1787 г., Декларация прав человека и гражданина 1789 г., Конституция 1791 г. и некоторые другие.

В училище началась не только педагогическая, но и научная деятельность М.Д. Бушмакина. Сам он впоследствии упоминал об этом с присущей ему скромностью: «Занимаясь главным образом педагогической работой, сделал ряд докладов по методико-воспитательным вопросам в Казанском педагогическом обществе, которые и печатались в “Трудах и протоколах” этого общества в период времени с 1910 по 1917 годы» (Архив КГПУ. Оп. 39. Д. 92. Л. 50б); в библиотеках Казани и Москвы удалось обнаружить 4 публикации такого характера). 11 февраля 1912 г. Бушмакин сделал доклад «К вопросу о типе учебника по древней истории для младших классов средней школы». Весной следующего года он выступил с сообщением «Самодетельность учащихся при преподавании истории». Напечатанные, эти доклады стали первыми публикациями молодого специалиста, наряду с рецензией на учебник по новой истории для средней школы, появившейся в 1913 г. в тех же «Трудах и протоколах Педагогического общества, состоящего при Императорском Казанском университете» (См.: Бушмакин М.Д. 1) К вопросу о тип учебника по древней истории для младших классов средней школы. Казань, 1912. Вып. 1; 2) [Рец.:] А.Г. Вульфийус. Учебник новой истории для средней школы. СПб, 1912. Казань, 1913. Вып. 2; 3) Самодетельность учащихся при преподавании истории. Доклад, читанный в заседании Педагогического общества 27 апреля 1913 г. Казань, 1913; 4) Средняя школа и ее программа. Доклад, читанный в заседании общества 29 марта 1914 года. Казань, 1914). Все они носят преимущественно методический характер и являются свидетельствами накопления педагогического опыта молодым специалистом. Тема научных изысканий М.Д. Бушмакина определится значительно позже, под влиянием октябрьских событий 1917 года в период его успешной деятельности в Казанском педагогическом институте.

Жизнь и творческий путь Евгения Ивановича Чернышева

В этом году исполняется 30 лет со дня смерти видного казанского учёного, преподавателя Восточного Педагогического института и Казанского государственного университета Евгения Ивановича Чернышёва.

Е.И. Чернышев родился 7 марта 1894 г. в Симбирске. Он был незаконнорожденным сыном мелкого дворянина и белошвейки. Образование получил в приходской школе, затем в 1-ой Симбирской мужской гимназии (Из воспоминаний Т.Е. Даниловой (Чернышевой). Архив автора). Определив ещё в школьные годы склонность к гуманитарным наукам, он в 1913 г. поступает на историко-филологический факультет Казанского университета. Еще на III курсе Чернышев стал серьёзно заниматься историей России XVIII в. За сочинение «Историко-географический очерк Казанской губернии с учреждения её в 1708 г. до смерти Петра Великого» (НАРТ. Ф.р-1487. Оп. 5. Ед. хр. 118) Учёный Совет наградил его золотой медалью. Окончив университет в 1917 г., Чернышёв был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию.

В 1919 г. Е.И. Чернышёв был избран преподавателем Высшего Института народного образования, реформированного в 1922 г. в ВПИ. В 1924 г. ему поручили вести общий курс истории России периода крепостного хозяйства, а весной 1928 г. он начал вести спецкурс «История классово-борьбы в России в XVIII в.». В эти же годы он преподавал в Восточной академии и Северо-Восточном археологическом институте (Архив ФТИ. Ф. 4. Оп. 5. Ед. хр. 1). В 1920 г. Чернышев стал членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Здесь он работал в качестве библиотекаря (1924–27), секретаря (1927), технического редактора (1928). Его доклады на заседаниях Общества были в основном посвящены классово-борьбе: «Аграрная борьба в Казанском крае», «Восстание декабристов», «Пугачёвщина в Казанском крае», «Материалистические взгляды А. Щапова». 1 февраля 1921 г. он был назначен уполномоченным в Центральном архиве ТАССР, с 1924 по 1926 гг. работал заведующим научно-технической частью управления и архивной секцией народного хозяйства. Архивному делу он посвятил несколько статей.

В 1920-е годы определились основные направления научной деятельности историка. Его научный руководитель проф. Н.Н. Фирсов нацелил его на такие проблемы как: «Татария в период разложения феодально-крепостнической системы», «Жизнь и деятельность революционера-демократа А.П. Щапова». С 1925 г. Чернышёв берётся за тему, которая будет проходить через всё его творчество: история крестьянского движения в Казанской губернии в начале XX в. Этой проблемой до него практически никто не занимался. В 1925–28 гг. по этой теме он издал ряд работ (См.: «Материалы по истории крестьянских движений в Казанском

крае в 1917 г.»; «Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 г.», «Характеристика классовых отношений в деревне в 1915 году»). В конце 1920-х гг. были написаны очерки по истории татарского народа: «Волнения казанских татар в 1878 году», «Восточная печать в эпоху реакции XX в.», «Облик казанской жизни в XVI в.», «Из истории татарской периодической печати», «Причина эмиграции крымских татар в Турцию». Эти работы были результатом работы в архивах Москвы и Ленинграда в 1927 г. (НАРТ. Ф. р-1487. Оп. 5. Ед. хр. 118).

В 1928 г. Евгений Иванович был утверждён Учёным Советом Наркомпроса РСФСР в звании доцента. В этом же году он стал делегатом от ВПИ на Всесоюзную конференцию историков-марксистов в Москве.

В 1928 г. общественность Казани отмечала 40-летие научной деятельности Н.Н. Фирсова. Однако одновременно с осознанием значимости научных работ Фирсова в местной печати прокатилась волна по «разоблачению» его научной деятельности. Его взгляды на роль русского города в начале XVII в. называли буржуазными, оценку им «смутного времени» трактовали как смесь либерально-буржуазной и народнической позиции, а крестьянских движений XVII–XVIII вв. – народнической (См.: Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Н.Н. Фирсов. Казань, 1976. С. 81). Евгений Иванович выступил в защиту своего учителя и опубликовал в «Вестнике татароведения» (1930. № 9-10) статью «Профессор Н.Н. Фирсов как историк Поволжья», в которой назвал его «историком угнетённого царским режимом рабоче-крестьянского большинства».

В 1930-е годы тысячи людей интеллектуального труда были репрессированы за инакомыслие. Не обошла эта участь и Евгения Ивановича. Причиной ареста были неприязненные отношения с зав. кафедрой истории СССР ВПИ проф. С.П. Сингалевичем, поводом – карикатура, нарисованная Чернышёвым на него. 15 января 1931 г. Чернышёв был арестован и обвинён по статье 58 § 10 УК РФ. В тюрьме он вёл себя мужественно, продолжал работу над своими историческими трудами, изучал английский язык. Через год следствие было прекращено и его освободили за недостаточностью обвинения. Почти 11 лет Евгений Иванович не мог заниматься научной работой и преподавать в вузе. О защите уже написанной к тому времени диссертации не могло быть и речи.

В апреле 1941 г. Е.И. Чернышев вновь приступает к научной деятельности. Он был принят младшим научным сотрудником в ИЯЛИ. Но уже 1 сентября его уволили по сокращению штатов на время военных действий. В годы войны многие преподаватели и студенты ушли на фронт. Руководство Казанского университета в 1943 г. пригласило Евгения Ивановича преподавать сразу на нескольких факультетах. В 1944 г. его пригласили на работу в ВПИ, где он читал курс истории СССР.

Известные казанские историки Г.Н. Вульфсон и Н.П. Муньков во время войны были студентами и учились у Чернышёва. В оценке его как преподавателя ученики были единодушны: Евгений Иванович очень хо-

рошо знал свой предмет, был крупным специалистом по местным архивам, но особым лекторским даром не обладал. Лекции читал скучно, без эмоций, не интересно, но на экзаменах спрашивал фундаментально.

За время войны Евгений Иванович написал только одну статью «Куликовская битва». Предназначенная для сборника «Героическое прошлое русского народа», готовившегося под редакцией акад. Е.В. Тарле, она не была опубликована в связи с возвращением редакции, состоящей из эвакуированных учёных, в Москву. В 1942 г. на научной сессии историко-филологического факультета Казанского университета Чернышёв выступил с докладом «Уставные грамоты как исторический источник».

После окончания войны Чернышев вновь был зачислен сотрудником ИЯЛИ КФ АН СССР. С этого времени его научные интересы определялись задачами института. В 1948 г. в первом выпуске сборника «Материалы по истории Татарии» были опубликованы две большие статьи Чернышёва: «Татария в период разложения крепостного строя» и «Крестьянская реформа в Казанской губернии». Местные историки в это время работали над двухтомным изданием «Истории ТАССР» (Казань, 1955). Чернышёв написал три главы (гл. 6, 7, 8) для первого тома книги: «Татария в период крепостного строя в России», «Татария в период дворянской империи в XVIII в.», «Татария в период капитализма». В 1951 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 5) вышла работа «Революционер-демократ историк А.П. Щапов», обобщившая его многолетний труд.

8 марта 1954 г. Чернышев в Москве на заседании секции истории СССР АН СССР с успехом защищает кандидатскую диссертацию «Социально-экономические очерки по истории Казанской губернии XIX века. (Дореформенный период)». В 1955 г. в «Известиях» Казанского филиала АН СССР Чернышев опубликовал статью «К вопросу о связях Волжско-Камского края с всероссийским рынком в XVII веке». На основе глубокого изучения таможенных книг он доказал, что в XVII в. Казанский край начал превращаться в органическую часть всероссийского рынка. В том же сборнике он опубликовал статью «Из истории строительства Казанской железной дороги» (1957). В конце 1950-х гг. Чернышёв работал над проблемой «Генезис капитализма в Волго-Камском крае». Важным событием его жизни стало участие в научно-координационной сессии, посвящённой падению крепостного права в России и славянских странах в середине XIX в., проходившей в мае 1961 г. в Москве, в Институте истории. В последние годы своей деятельности Чернышев занимался вопросами Пугачевского восстания в крае. В архиве ИЯЛИ, где отложился фонд Чернышёва, сохранил ряд его статей по данной тематике. Работу по этой теме успешно продолжил его ученик С.Х. Алишев.

В 1960 г. в связи с 25-летием ИЯЛИ имя Е.И. Чернышёва было занесено в Книгу Почёта института. В 1966 г. в возрасте 72 лет он вышел на пенсию. Е.И. Чернышев умер в 1979 г., оставив большое научное наследие, хороших учеников и добрую память о себе.

Евгений Иванович Устюжанин: личный архив историка

Серия исследовательских проектов начала XXI в. позволила вплотную приблизиться к пониманию и переосмыслению жизненного пути историков России, формирования исторических школ и сообществ, развития исторического знания. Процесс затронул как столичные академические и университетские центры, так и регионы России. Современный «биографический бум» в значительной степени обусловлен методологическими поисками исследователей, разрабатывающих проблемы интеллектуальной истории, истории повседневности, истории идей и ментальностей. Параллельно стали интенсивно применяться методы «нетрадиционных» для советского периода устной истории, визуальной истории и др. В то же время, на фоне всплеска интереса к новациям, не потеряли актуальности и традиционные архивные фонды личного происхождения в отделах рукописей научных библиотек, государственных архивах, в частных коллекциях. Но если раньше они оставались на периферии исследования, то сейчас востребованы и активно вводятся в научный оборот.

Одним из фондов регионального масштаба, сформированным еще в 1977 г. в Отделе рукописей научной библиотеки Казанского университета, является фонд Е.И. Устюжанина (1902–1968) (ОРРК НБЛ. Ф. 8. 34 ед. хр.), ученика акад. Б.Д. Грекова, автора первой публикации по истории восстания в с. Бездна Казанской губернии 1861 г. и колхозного строительства в Татарской АССР, учебников для средней школы, редактора «Ученых записок КГПИ» и сборников документов по истории крестьянского движения. Е.И. Устюжанин в 1939–40 гг. возглавлял кафедру в КГУ, в 1947–68 гг. – кафедру истории СССР в КГПИ, представлял сообщество историков Казани в Национальном комитете историков Советского Союза, был членом Ученых советов Госмузея и Госархива ТАССР, удостоен звания «Заслуженный деятель науки ТАССР». Человек непросто судьбы, он пользовался заслуженным уважением коллег и учеников.

Видовой набор документов, отражающий страницы биографии историка, традиционен: анкеты, служебные автобиографии, удостоверения и др. Фрагментарно представлены материалы, характеризующие деятельность института в целом, бытовую и этическую сторону взаимоотношений сотрудников и коллег по кафедре (1936–1962 гг.; ед. хр. 34).

Отдельного упоминания заслуживает одна из первых автобиографий (1925 г.), написанная в форме эссе (Рук., автограф. Ед.хр. 10/1. Л. 17–20). По сути, это единственный источник личного происхождения (не считая эпистолярного наследия), отложившийся в архиве. Эссе состоит из 4-х частей, каждая из которых предваряется авторским эпиграфом (напр.: «Летом был я батраком, а зимой учеником». Устюжанин). Здесь автор попытался осмыслить свой первый жизненный опыт, подробно описывая

нравы в русско-киргизском училище, где получил начальное образование, быт и досуг сельской молодежи, проблему выбора профессии: «Моя будущность представлялась в форме дилеммы: или учиться дальше или заниматься земледелием... У меня был идеал – учитель».

Меньше отражен в документах ленинградский период жизни (1928–1935). Упоминания об учебе на общественно-экономическом отделении ЛГПИ им. Герцена (1928–1931), об аспирантских годах (1932–1935) единичны и относятся к послевоенному периоду: «Еще в годы обучения в аспирантуре у меня проявился интерес к истории крестьянства. Это в значительной степени было обусловлено влиянием Б.Д. Грекова». Евгений Иванович отмечал, что аспирантуру он окончил по специальности «История феодализма в России», что его научная работа сводилась к выполнению учебного плана, написанию работ «Смерды и закупы в Киевском государстве», «Чернышевский как историк», «Мобилизация земельной собственности в русском государстве в XVI–XVII веках» и др. (Ед. хр. 10/1. Л. 122–123). Мотивация поступления в аспирантуру, годы учебы – этот пласт информации в фонде отсутствует. Нет свидетельств и о контактах с научным руководителем Б.Д. Грековым. В 1941 г., когда Б.Д. Греков в Казани читал лекции студентам-историкам КГПИ, Евгений Иванович служил в Саратове и Самаре в Особом отделе НКВД, а затем в СМЕРШе. Казанский историк Х.Г. Гимади писал ему: «Истфак продолжает работать. Во главе факультета около года стоял я. Работали у нас акад. т. Греков (зав. кафедрой), Е.В. Тарле, Ефимов А.В. (новая история), Косминский и др. Только мало было студентов... Да, забыл. С акад. Грековым веду переписку. Если с ним хорошие отношения, пиши ему. Его адрес: г. Ташкент, ул. Папанова, 17» (Рук., автограф; 27 декабря 1942 г.; Ед. хр. 9, л. 23). Однако никаких следов переписки в фонде не обнаружено.

Историографические источники, характеризующие научную деятельность Е.И. Устюжанина казанского периода, представлены в виде рукописных и машинописных вариантов диссертации (защищена в 1947 г. в ЛГУ на тему «Крестьянские движения в Казанской губернии в связи с реформой 1861 года»), статей, научных отзывов и рецензий, материалов для публичных лекций, выписок из источников и литературы, тезисов и конспектов, помет на полях (Ед. хр. 1–6). Рецензии и отзывы М.В. Нечкиной, А.М. Панкратовой, С.Б. Окуня, Н.Г. Сладкевича, С.Д. Сказкина и др. на статьи Устюжанина и сборники, выходявшие под его редакцией, позволяют выявить черты научных взглядов и дискуссий 1940–1950-х гг.; понять уровень развития местной историографии и историкоисследования, дать оценку вклада историков Казани в разработку теоретических и прикладных вопросов истории (1947–1958 гг.; Ед. хр. 21).

Значительную ценность представляют документы об участии Устюжанина в работе НКИСС (1956–57 гг.). Сохранилось его письмо к Панкратовой, в котором он информировал о состоянии исторической науки в Казани (Черновик, рук.; 22 марта 1956 г. Ед. хр. 7. Л. 7–8). Имеется не-

правленная стенограмма заседания Пленума НКИСС от 13 декабря 1957 г., на котором Устюжанин предложил активнее вовлекать в работу комитета «ученых нашей периферии». Казань, по его мнению, как университетский центр имеет исследователей, которые могли бы достойно представлять советскую науку на международных форумах. В частности, им были названы имена антиковеда А.М. Ременникова, Г.Ф. Шамова, занимавшегося изучением казанской ориенталистики, Р.Ш. Тагирова, исследовавшего историю русской секции I Интернационала. Председатель комитета акад. А.А. Губер согласился с такой постановкой вопроса, отметив, что «в столице не всегда представляют себе, какие ученые есть на местах... Поэтому очень важны постоянные связи...» (Ед. хр. 11. Л. 75, 90).

Эпистолярное наследие – 197 рукописных листов (Ед. хр. 9). Авторы большинства писем – казанские историки (Х.Г. Гимади, В.В. Иванов, И.М. Ионенко, Н.П. Муньков, Ш.Ф. Мухамедьяров, Ю.Г. Трунский и др.), историки республик Поволжья, что позволяет восстановить и дополнить исследование «горизонтальных» связей ученых. Например, продолжение темы «столица – периферия», как выразился Евгений Иванович, звучит в письме казанского историка Ионенко: «Вообще наши архивы здесь совершенно неизвестны и, естественно, многие факты интересуют специалистов» (М., 1955. Ед. хр. 9. Л. 47об.). Трунский после выступления с докладом в АН СССР на тему «К вопросу о дифференциации французского крестьянства в конце XIX–XX вв.» с особым удовольствием писал Устюжанину: «Как бы то ни было, но Казань я не посрамил», «руководитель секции отметил, что я не московский, а казанский товарищ, и что мой доклад находится вполне на уровне ранее прочтенных докладов московскими и ленинградскими профессорами» (Ед. хр. 9. Л. 125). Сохранились письма студентов, аспирантов, соискателей, отражающие взаимосвязь «учитель-ученик». Вместе со студенческими дипломными работами, отзывами на лекции ученого они дополняют портрет Устюжанина-педагога (Ед. хр. 22-33). В особом ряду стоят письма венгерских студентов, обучавшихся на историческом факультете КГПИ в 1950-е годы.

Назрела необходимость сконцентрировать усилия по подготовке к изданию эпистолярного наследия историков Среднего Поволжья, которое до настоящего времени слабо изучено и не введено в научный оборот.

Е.М. Николаева, Ю.Н. Иванов (Казанский ГУ)

Научное и общественно-педагогическое наследие М.И. Абдрахманова

В современных условиях общественно-политического и экономического развития России как мультинационального, поликультурного общества остро стоит проблема изучения и практического использования богатого опыта недавнего прошлого нашей страны, исследования вклада от-

дельных выдающихся представителей национальных регионов в развитие науки, образования, а также культурное строительство России.

В январе 2012 г. исполнится 100 лет со дня рождения М.И. Абдрахманова – видного ученого, педагога, общественно-политического деятеля, первого татарина – профессионального философа, профессора Казанского университета. В преддверии этой знаменательной даты творческий коллектив философского факультета КГУ начал комплексное исследование, посвященное творческой деятельности М.И. Абдрахманова.

М.И. Абдрахманов сыграл видную роль в развитии философского знания, философского и исторического образования, в культурном и социально-экономическом развитии республики в 60–70-е годы XX века.

В процессе работы над биографией М.И. Абдрахманова была изучена вся имеющаяся на данный момент литература, содержащая в себе сведения о Мансуре Ибрагимовиче. Литература эта носит, в основном, энциклопедический характер. Знакомство с ней показало, что в биографических сведениях имеются некоторые противоречия, неточности. Был намечен круг возможных мест хранения информации об М.И. Абдрахманове. Прежде всего, это архив и музей Казанского университета, музей и архив Казанского гуманитарно-педагогического университета, Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), Государственный архив историко-партийных документов (РГА ИПД), архив Аксубаевского района, Музей им. М.И. Абдрахманова (с. Новое Ибрайкино Аксубаевского района РТ), а также периодические издания республиканского значения («Красная Татария», «Советская Татария» и др.) газеты КГУ и КГПИ за соответствующие периоды. Определился круг возможных архивных фондов (Архивные фонды НА РТ: Ф. Р-3610 за 1968–1971 гг. (Президиум ВС ТАССР); Ф. Р-2757 (Первомайский райсовет. 1928–34 гг.); Ф. Р-7336 (Новоибрайкинский сельсовет. 1933 г.); Ф. Р-7339 (Аксубаевский РОНО. 1932–1934 гг.); Ф. Р-3862 (Первомайский РОНО. 1930–31 гг.); Ф. Р-1337 (КГУ. 1945–1968 гг.); Ф. Р-1487 (КГПУ. 1936–1941, 1944–1945 гг.); Ф. Р-1342 (Аксубаевский Волостной совет. 1918–1929 гг.); Ф. 815 (Бугульминский уездный съезд земских начальников. 1908–1917 гг.); Ф. 600 (Аксубаевское волостное правление. 1858–1915 гг.); Ф. 568 (Чистопольская уездная земская управа. 1865–1918 гг.) и начато их изучение.

Изучается личное дело Абдрахманова (Архив КГУ. Л.д. сотрудников. Оп. 14. Ед. хр. 1. 220 листов), содержащее сведения о его научно-педагогической деятельности в Казанском университете с 1944 по 1972 гг. Основная масса документов – это выписки из приказов, листки по учету кадров, а также документы, содержащие автографы Мансура Ибрагимовича. Анализ этих документов позволяет проследить не только основные вехи его жизненного пути, но и организацию делопроизводства этого периода. В деле также имеется и фотоматериалы. Большой интерес представляет собой личный фонд Абдрахманова (Музей истории Казанского университета). В нем содержатся более разнообразные материалы,

отражающие в первую очередь общественную жизнь Абдрахманова. Особенно интересны его дневники, а также комплект документов делегата XXIV съезда КПСС, которые содержат материалы, отражающие его личное восприятие происходящего на съезде, а также ту обширную культурно-развлекательную программу, которую предлагали делегатам.

В дальнейшем творческий коллектив планирует особое внимание уделить анализу философско-теоретического наследия М.И. Абдрахманова, деятельности в философском сообществе, участию в Великой Отечественной войне, работе в государственных органах Татарской АССР. Предполагается создать концептуальную основу биографии ученого, выявить общественно-политические и культурные условия эпохи, повлиявшие на формирование мировоззрения, научных интересов, жизненной позиции М.И. Абдрахманова. Главным итогом исследования должно стать создание научной биографии М.И. Абдрахманова

О.В. Сеницын (ТГГПУ, Казань)

Вклад Н.П. Мунькова в изучение и преподавание истории отечественной исторической науки

Выпускник исторического факультета Казанского университета Николай Петрович Муньков (1923–2002) был энциклопедически образованным человеком. С 1945 по 2002 гг. он работал в ТГГПУ (ранее КГПИ, КГПУ) как проректор по учебной работе, декан исторического факультета, доцент, профессор, зав. кафедрой истории СССР. Он избирался депутатом Казанского городского совета народных депутатов, председателем постоянной комиссии по образованию, был членом диссертационного совета в КГУ, научного совета по истории исторической науки, отмечен званиями «Заслуженный учитель Республики Татарстан» и «Заслуженный деятель культуры Республики Татарстан», орденом «Знак Почёта» и т.д.

В своих научных трудах Н.П. Муньков затрагивал как конкретно-исторические, так и историографические проблемы отечественной истории. В разработке и тех, и других им были достигнуты значительные для своего времени результаты. Историографией как научной и учебной дисциплиной он заинтересовался ещё в студенческие годы. По его воспоминаниям, историографические сюжеты постоянно обсуждались на заседаниях студенческого научного кружка, председателем которого все пять лет был студент Николай Муньков. В дальнейшем он профессионально занимался ими вплоть до последних дней жизни.

В научно-педагогическом наследии Мунькова присутствует как *проблемная* историография, посвященная, главным образом, различным вопросам внешней политики России и СССР, и *персонофицированная* историография, посвященная анализу исторических взглядов отдельных историков, так и историография *прикладная, учебная*, т.е. подготовка и

публикация учебников и учебных пособий, в том числе по вопросам методологии и методики преподавания историографии в высшей школе.

Из трудов по проблемной историографии выделяется серия статей в «Учёных записках» КГПИ «Вопросы историографии и источниковедения», ответственным редактором которых был Муньков (Муньков Н.П. 1) К изучению вопросов русской дипломатии и внешней политики СССР (обзор литературы 1956–1968 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения. Сб. IV. Казань, 1969. С. 238-260; 2) К изучению вопросов русской дипломатии и внешней политики СССР (обзор литературы 1969–1975 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения. Сб. VII. Казань, 1975. С. 33-85; 3) Изучение внешнеполитической деятельности В.И. Ленина в советской исторической литературе // Историография и источниковедение истории СССР. Казань, 1977. С. 3-23 и др.).

Проблематика этих работ была весьма актуальна и научно-значима. Н.П. Муньков вполне обоснованно замечал, что после XX съезда КПСС за 10–12 лет «изучение внешнеполитических проблем шло наиболее интенсивно.., вышли серьезные публикации дипломатических документов, были созданы обстоятельные коллективные исследования и крупные монографии по дипломатической истории нашей страны, вышли в свет научные биографические очерки, посвященные деятельности крупных русских и советских дипломатов, на русский язык были переведены лучшие исследования зарубежных авторов, посвященные в основном периоду второй мировой войны, появились мемуары русских, советских и зарубежных дипломатов и государственных деятелей, наконец, история международных отношений и внешней политики стала отображаться в художественной литературе» (Муньков Н.П. К изучению вопросов русской дипломатии и внешней политики СССР. С. 238).

Обращает на себя внимание, во-первых, комплексный подход к проблемной историографии, нашедший выражение в более широком определении её предмета, включающего в себя как научное познание прошлого, основанное на анализе исторических источников, применении общенаучных и специальных методов исторического исследования, теоретических и практических выводов, так и более широкий аспект исторического знания – обращение к историческим представлениям общественных, государственных деятелей, публицистов, писателей и т.д. Это был новаторский подход, отвечающий запросам времени по проблеме функционирования исторических знаний в социальной среде и общественной практике, тем более имеющей отношение к внешней политике. Во-вторых, прослеживается мысль о преемственности дипломатии русской и советской.

Из работ по «персонафицированной историографии» следует выделить «К изучению исторических взглядов П.А. Ровинского – видного землевольца» (совм. с Г.Н. Вульфсоном; Казань, 1967), «Е.И. Устюжанин как историк местного края» (Казань, 1968), рецензию на книгу Г.Н. Вульфсона «Разночинно-демократическое движение в Поволжье и

на Урале в годы первой революционной ситуации» (1975). Им присущи яркие характеристики историков, сравнительный анализ концепций, умение выделить главное в исторических взглядах изучаемого исследователя.

Многие публикации Н.П. Мунькова посвящены опыту преподавания историографии в КГПИ. Общий курс историографии отечественной истории читается студентам КГПИ-КГПУ-ТГГПУ с 1946 г., и всё это время вплоть до последних дней жизни его читал Н.П. Муньков. Я безмерно благодарен ему за то, что в конце 1980-х гг., будучи зав. кафедрой, он поручил мне вести семинарские занятия по историографии истории СССР, а затем и читать часть общего лекционного курса на очном и заочном отделениях. Накопленный им опыт преподавания историографии в высшей школе частично обобщён в его публикациях. В 1974 г. в «Вопросах историографии и источниковедения» была опубликована его статья «Из опыта работы кафедры истории СССР Казанского пединститута по постановке преподавания методологии и историографии истории СССР на историческом отделении». В 1975 г. вышла статья «Постановка преподавания историографии истории СССР на историческом отделении КГПИ» (Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975), а в 1985 г. – «О преподавании отечественной историографии на историческом отделении Казанского пединститута» (Вопросы историографических исследований. Днепропетровск, 1985). К ним примыкает и наша совместная учебно-методическая разработка (Муньков Н.П., Синицын О.В. Историография истории СССР: планы семинарских занятий и методические рекомендации к ним. Казань, 1987).

Историография действительно стала кафедральным направлением научных и учебно-методических изысканий. Безмянно говоря о своей методологии и методике преподавания курса историографии, Н.П. Муньков привлекает внимание читателей к особенностям научной и преподавательской работы других членов кафедры (В.В. Иванова, А.Л. Литвина, Ю.К. Краснова, И.М. Абдрашитовой). Привлекательной стороной работы кафедры истории СССР того времени было приглашение читать спецкурсы известных учёных Москвы и Казанского университета (А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.П. Ненароков, А.Е. Иванов, Г.Н. Вульфсон, З.И. Гильманов, И.М. Ионенко, Р.И. Нафигов, И.Р. Тагиров, А.М. Залялов и др.).

Н.П. Муньков подчеркивал ещё два важных момента деятельности кафедры в области историографии. Первое – это восстановление в 1972 г. аспирантуры по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», которую впоследствии под научным руководством проф. В.В. Иванова закончили и защитили диссертации 7 человек. Сегодня при кафедре истории России ТГГПУ действует аспирантура по специальности «Отечественная история», и вопросы историографии отечественной истории неизменно стоят в центре диссертационных исследований. Второе – кафедра широко пропагандировала достижения отечественной историографии среди учителей города и респуб-

лики. Это направление деятельности нашло воплощение в создании учебников для средней школы по истории Татарстана и учебных пособий для студентов исторических факультетов. В этой связи особое значение имеет авторское учебное пособие, которое вполне можно назвать учебником по историографии истории СССР, изданное в КГПИ (Муньков Н.П. Историография истории СССР. Казань, 1973). Оно представляет собой переработку курса лекций по историографии и является его первой частью: с древнейших времен до 1861 г. Вторая часть, посвященная историографии периода с 1860-х гг. по 1970-е гг., к сожалению, не увидела свет. Определённым продолжением первой части стала изданная в 1989 г. методическая разработка «В.О. Ключевский – выдающийся русский историк второй половины XIX – начала XX вв.». Можно сказать, что Н.П. Мунькову удалось в своих учебно-методических работах осветить историю исторической науки в России до начала XX в. К достоинствам его труда относятся систематическое изложение основных проблем отечественной историографии, выявление закономерностей формирования, развития и смены исторических концепций, определение условий развития исторической науки и ее функционирования в обществе, яркое, образное, живое изложение историографического материала, что способствовало лучшему его усвоению студентами. Многим поколениям студентов это учебное пособие помогло усвоить азы историографии отечественной истории.

Нельзя не отметить активное участие Н.П. Мунькова в научных сессиях, историографических конференциях (в Москве, Ленинграде, Луцке, Смоленске, Днепрпетровске, Казани, Самаре и др.). В декабре 1977 г. решением Президиума АН СССР он был утвержден членом Научного совета по истории исторической науки при Институте истории АН СССР и стал одним из наиболее активных деятелей Средневожской секции, за что неоднократно получал благодарственные отзывы от председателя Совета академ. М.В. Нечкиной и зам. председателя проф. В.А. Дунаевского.

Николая Петровича Мунькова за его весомый вклад в изучение проблем историографии отечественной истории и богатый опыт преподавания историографии в высшей школе знали, ценили во всех республиках Советского Союза, во всех крупных университетских центрах России.

Ф.Ш. Хузин (ТГГПУ), А.Г. Ситдиков, С.И. Валиуллина (КГУ)

Выдающийся исследователь древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья (к 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова)

Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ А.Х. Халиков (1929–1994) – крупнейший специалист по археологии, древней и средневековой истории тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжско-Уральского региона – оставил богатое наследие в области изучения волжских булгар и их соседей, этногенеза татарского

народа, археологии болгаро-татарских городов, прежде всего, Биляра и средневековой Казани, духовной культуры предков татар. Он создал общую концепцию развития народов региона от древнекаменного века до присоединения края к Русскому государству включительно.

Научные интересы А.Х. Халикова, связанные в первую очередь с изучением эпохи бронзы Волго-Камья, определились в начале 1950-х гг., когда развернулись масштабные исследования Куйбышевской археологической экспедиции под руководством А.П. Смирнова. Раскопками Халикова Атабаевской, Балымской и Займищенской и других стоянок, оставленных местным средневолжским населением позднего бронзового века, был накоплен огромный и хорошо документированный материал, изучение которого позволило ему выделить приказанскую культуру, обосновать хронологию и территорию распространения памятников, предложить свою концепцию генезиса, эволюции и дальнейших судеб древних племен региона. Работы молодого исследователя, отличавшиеся не только смелостью и оригинальностью, но и дискуссионностью ряда положений, дали мощный импульс дальнейшей разработке проблем бронзового века лесной и лесостепной зон Восточной Европы.

Проблемами эпохи бронзы А.Х. Халиков занимался на протяжении всей научной деятельности, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, в т.ч. монографии «Памятники балановской культуры» (М., 1976, совм. с О.Н. Бадером), «Приказанская культура» (М., 1980). Но одновременно, с середины 1950-х гг., он существенно расширил тематику исследований (в хронологическом и территориальном плане), открыв и изучив первые памятники каменного века и раннего металла (энеолита) в Среднем Поволжье: палеолитическое местонахождение у с. Деуково на востоке Татарстана (совм. с Н.Ф. Калининим), мезолитическую стоянку у д. Русская Луговая в Марий-Эл, неолитическую стоянку у пос. Обсерватория близ Казани, где были выявлены также стоянки волосовской культуры эпохи раннего металла. Важной вехой в творческом пути исследователя стали работы Марийской археологической экспедиции, организованной им в 1956 г. на базе МарНИИ. В результате раскопок памятников первобытной археологии – преимущественно эпохи камня и бронзы, осуществленных экспедицией Халикова, была создана основа будущей концепции истории древнейшего населения региона, изложенной позднее в монографии «Древняя история Среднего Поволжья» (М., 1969).

В конце 1950-х проявился у А.Х. Халикова закономерный интерес к памятникам ананьинской культуры эпохи раннего железа, когда, по убеждению ученого, сформировались этнические основы современных поволжско-приуральских финнов. В результате многолетних исследований ананьинских древностей увидели свет две солидные монографии, ставшие настольными книгами специалистов: «Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.) М., 1977) и «Волжские ананьинцы. Старший Ахмыловский могильник» (М., 1982, совм. с В.С. Патрушевым).

Практически в самом начале научной карьеры ученый проявляет интерес и к раннесредневековым древностям Поволжья. Раскопки Именьковского городища (IV–VII вв., совм. с Н.Ф. Калининым), а также Писеральского (II–III вв.) и Мари-Луговского (IV–V вв.) курганов, Веселовского могильника (IX–XI вв.), других памятников середины и второй половины I тыс. н.э., оригинальные гипотезы об этнокультурной принадлежности некоторых из них вовлекли его в средневековую финно-угорскую проблематику. Коллеги признали А.Х. Халикова как ученого глубоко эрудированного, с широким спектром научных интересов, оригинальным подходом к решению поставленных проблем.

Фундаментальные исследования А.Х. Халикова по эпохам бронзы и раннего железа, посвященные проблемам первобытной археологии Волго-Камья, получили мировую известность. Средневековой археологии он посвятил добрую половину своей научной жизни. С конца 1960-х гг. главным направлением становится для него болгароведение, которое обрело в его лице, особенно после кончины в 1974 г. А.П. Смирнова, нового, пусть и не всеми признанного, лидера.

Еще в первой студенческой работе Халиков затронул спорные вопросы истории и археологии буртасов, волжских болгар и наметил подходы к их решению. Раскопки в 1957 и 1960 гг. памятника ранних болгар – Больше-Тарханского могильника и интерпретация его материалов (совм. с В.Ф. Генингом), положили начало серии работ по болгарской тематике. В 1961 г. Халиков, Е.П. Казаков и Е.А. Халикова приступают к исследованию крупнейшего раннебулгарского некрополя – Танкеевского. В 1975 г. был открыт и впоследствии изучен уникальный Больше-Тиганский могильник ранних венгров. Археологические и антропологические материалы этих памятников до сих пор используются преимущественно для исследования ранних этапов этногенеза татарского народа. Основные выводы по данной проблеме (Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989) выдержали испытание временем.

В конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. получают широкий размах археологические исследования болгарских городов. Этапными стали широкомасштабные раскопки Билярского городища, начатые в 1967 г. объединенной археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР и КГУ под руководством А.Х. Халикова. За двадцать с лишним лет работы экспедиции Биляр стал эталонным памятником домонгольской Булгарии. Исследования с самого начала носили комплексный характер, в них помимо археологов, активное участие принимали архитекторы, палеозоологи, палеоботаники, антропологи, искусствоведы. Вклад А.Х. Халикова в билярскую археологию трудно переоценить. Совместно с Н.И. Игониным он впервые в неаридной зоне Восточной Европы осуществил аэрофотосъемку городища, провел раскопки двух кирпичных зданий, остатков Соборной мечети, некрополей и других крупных объектов, начал рекогносцировочные исследования в окрестностях Биляра и т.д. Сложившееся

в историографии представление о Биляре как крупнейшем домонгольском городе Булгарии практически целиком зиждется на его работах. Казавшаяся в начале 1970-х слишком смелой, но недостаточно подкрепленной фактами гипотеза о столичности Биляра с X в. (практически с момента основания), также нашла последователей. Плодотворными оказались идеи ученого о сложении болгарской архитектурной школы в конце X в., возможной локализации золотоордынского Биляра на месте II–III селищ на левом берегу М. Черемшана и др. В значительной степени по его инициативе и благодаря его стараниям был создан в 1992 г. Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник.

В 1970-х гг. А.Х. Халиков успешно занимался проблемами средневековой Казани. Правда, поставленная им цель – археологически подтвердить письменную дату основания Казани (1177 г.) – не была достигнута в силу недостаточности материалов. Но правильность основных положений его концепции домонгольской Казани была полностью доказана исследованиями 1994–2005 гг. Подтвердилась созданная им стратиграфическая шкала культурного слоя Кремля; дополнительно изучены древнейшие оборонительные укрепления крепости; в основных чертах определена динамика территориального развития города на протяжении XI–XVII вв.; накоплена представительная коллекция находок, позволившая обосновать 1000-летний возраст Казани. Халиковский этап в истории археологического изучения Казани имел принципиальное значение для современных представлений об этом болгарском городе. В реконструкциях истории Казани золотоордынского, ханского и раннерусского периодов материалы экспедиции 1970-х гг. до сих пор занимают заметное место.

В трудах А.Х. Халикова значительное место занимает изучение проблем этногенеза татарского народа. Как известно, в последние 15–20 лет произошло существенное переосмысление происходивших во второй половине XIII – начале XV в. этнополитических процессов, в частности, эпоха Золотой Орды была обозначена, на наш взгляд, совершенно обоснованно, как ключевой этап средневековой татарской истории.

Концепция этногенеза татар Поволжья и Приуралья, разработанная А.Х. Халиковым, не совсем справедливо получившим со стороны его оппонентов ярлык “булгариста”, общеизвестна. Выделяя основные этапы этногенеза поволжских татар, ученый уделял значительное внимание болгарскому периоду их истории, но завершающий этап формирования казанско-татарской народности относил к первой половине XVI в. Среди этнических компонентов татар он называл выходцев из Золотой Орды и постзолотоордынских татарских ханств (Астраханского, Крымского и особенно Ногайского), отмечал довольно значительные включения со стороны местного финского и пришлого славяно-русского населения, которые, однако, «не смогли существенно изменить этнический облик населения, сформировавшегося задолго до прихода монгол и в период Золотой Орды сохранившего и развивавшего свою культуру».

Булгаро-татарская проблематика в исследованиях А.Х. Халикова включает и некоторые другие сюжеты: историко-археологические разыскания совместно с киевскими коллегами по древнему торговому пути из Булгара в Киев, изучение остатков знаменитой мечети-крепости на Елабужском (Чертовом) городище, интересные статьи по проблемам духовной культуры населения Волжской Булгарии и т.д.

В течение ряда лет А.Х. Халиков исполнял обязанности заместителя председателя республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Он был одним из инициаторов организации музеев-заповедников на территории Биляра и его округа, Казанского кремля, основным автором «Научной концепции сохранения, развития и использования ансамбля Казанского кремля». Под его руководством было в основном завершено сплошное археологическое обследование территории Татарстана, начатое еще в 1945 г. Результаты этого многолетнего труда увидели свет в серии «Археологическая карта Татарской АССР», авторский коллектив которого был удостоен Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники за 1994 год. А.Х. Халиков был инициатором и организатором систематических работ на разрушающихся объектах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ. Все это очень актуально сегодня. Богатый опыт организации охраны археологических памятников, накопленный коллективом исследователей под руководством А.Х. Халикова, востребован в новых условиях.

В последние годы археология Среднего Поволжья и Приуралья совершила качественный скачок в своем развитии. И важнейшую роль сыграли в этом труды Альфреда Хасановича Халикова. Он оставил богатое научное наследие. Многие из того, что им сделано, составляет золотой фонд российской археологической науки.

Д.В. Давыдов (Казанский ГТУ)

Изучение крестьянской культуры в ТАССР: опыт 1920-х годов

Период 1920-х годов, сопровождавшийся заметными социальными сдвигами и сменой культурных ценностей, внес коррективы в процесс развития научной мысли. Происходящие перемены носили неоднозначный характер. Развитие аграрного сектора выдвигало крестьянскую культуру на одно из первых мест в качестве предмета изучения. С другой стороны, постепенное становление марксистского подхода как «единственно верного» метода научного познания, усиление идеологического контроля вынуждало исследователей корректировать выводы в соответствии с требованиями политической конъюнктуры.

Проведение исследований о культурно-бытовом состоянии деревни в ТАССР было начато в 1923 г. в связи с подготовкой к проведению Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Группа ученых под руково-

дством Н.И. Воробьева – в нее вошли М.С. и К.С. Губайдуллины, П.М. Дульский и др. – на протяжении 1920-х гг. провела ряд обследований татарских поселений Арского, Мамадышского, Челнинского, Чистопольского и Спасского кантонов. Результатом стала монография, посвященная материальной культуре казанских татар [Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань, 1930]. К сожалению, нехватка средств не позволила обратиться к комплексному изучению культуры и быта других народов Поволжья.

Тем не менее, несмотря на трудности, работа по изучению вопросов культуры и быта крестьян различных национальностей республики проводилась. Интерес исследователей вызывали вопросы питания, потребления алкогольных напитков, лечения заболеваний и т.д. [Воробьев Н.И. Кряшены и татары. Казань, 1929; Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пирца казанских татар (Этнографический очерк). Казань, 1927; Евсеев М.Е. Мордва Татреспублики. Казань, 1925 и др.]. В июле 1926 г. в республике было проведено обследование ТСУ, посвященное некоторым вопросам повседневной жизни русских и татарских крестьян (отношение к школам, влияние религиозных обычаев, потребление спиртного и т.д.).

Важным направлением в работе ученых стало обращение к проблемам здравоохранения. Эпидемии болезней, охватывавших республику в 1920-е годы, низкий уровень санитарно-гигиенической культуры населения, высокая смертность требовали объединения усилий. Большую роль в этом сыграл образованный впоследствии институт социальной гигиены ТАССР. Сотрудники института изучали вопросы водоснабжения отдельных районов республики, рассматривали причины заболеваемости и т.д. (См.: Плещицер А.Я. К вопросу о снижении заболеваемости в Татарии // Вопросы оздоровления Татарии. Казань, 1931; Лось Л.И. Водоснабжение некоторых районов Татреспублики в санитарном отношении // Там же).

Нельзя однозначно утверждать, что вопросы изучения повседневного быта имели определяющее значение при проведении обследований. Важную роль здесь играла инициатива самих участников экспедиций. Так, в 1927 г. при подготовке одной из экспедиций в сельские районы республики с участием санитарных врачей изучение бытовых вопросов вообще не планировалось. Однако руководство санитарной организации Татнаркомздрава по собственной инициативе расширило задачи обследования, включив в карточки вопросы бытового характера (обстановка крестьянской избы, умывание, мытье в бане, стирка белья и т.п.) Результаты проведенной работы, представлявшие значительный научный интерес, были опубликованы в «Сборнике здравоохранения ТССР» (начал выходить с 1928 г.). Часть материалов сборника отражала различные аспекты санитарно-медицинской культуры сельской местности: движение среди населения инфекционных заболеваний, состояние жилищных и хозяйственных построек крестьян, санитарный быт в деревне и т.д. [Мехоношин П.А. Изба и двор крестьян Татреспублики (1928. № 1); Конда-

ков И.А. Инфекционная заболеваемость в Тат. Республике и в б. Казанской губернии (Там же); Еникеев Х.И., Мехоношин П.А. К вопросам санитарного быта сельского населения Тат. Республики (1929. № 2) и др.].

Изучение вопросов традиционной крестьянской культуры было бы невозможно без деятельности Татарского статистического управления (ТСУ), создателем которого стал В.М. Ермолаев. Обращалось внимание на условия жизни и труда различных слоев населения (См.: Ермолаев В.М., Шараф Г.Ш. Сравнительная характеристика экономики русского и татарского крестьянского хозяйства в ТР лет // Труд и хозяйство. 1925. № 11; Они же. Сравнительная характеристика татарского, русского и нацменовского хозяйства ТР. Казань, 1928 и др.). В ТСУ был образован Отдел сельскохозяйственной статистики, сотрудники которого также занимались обследованием состояния и динамики процессов питания. Проведение обследований во многом «стимулировал» массовый голод начала 20-х гг., когда в сжатые сроки потребовалось определить масштабы продовольственной помощи. С 1922 по 1927 гг. было проведено 14 обследований питания крестьянского населения, изучено питание 37,5 тыс. чел. (в среднем, на каждое обследование приходилось по 2680 чел. (примерно 1,5% ко всему населению республики) (Победоносцев И. Питание населения Татарской республики // Труд и хозяйство. 1927. № 7. С. 4).

К сожалению, результаты проведенной работы почти не освещались в печати. Исключение составляет общий обзор проведенных обследований, опубликованный в журнале «Труд и хозяйство». По-видимому, свою роль могла сыграть субъективная оценка значимости данной проблемы со стороны республиканского руководства. Оно предпочитало не заострять внимания на «продовольственном вопросе»: массовый голод в республике во второй половине 1920-х гг. был объявлен завершенным. Подчеркивалась положительная динамика потребления крестьянами разных продуктов питания. Одновременно распространялись работы, которые популяризировали идеи, связанные с поднятием уровня культуры питания.

Интерес вызвала и проблема потребления алкоголя, все больше приобретающая идеологический оттенок [Страшун И. Борьба с пьянством (победим самогон) // Здоровая деревня. 1926. № 1; В.С. Пора бросить вредные обычаи // Там же. 1926. № 4; Степанов. «Зеленый змий» // Там же. 1926. № 11; Сигал Б. Темные силы деревни // Там же. 1927. № 1 др.]. В 1928 г. сотрудники ТСУ приняли участие в сборе и обработке материалов обследования по вопросу употребления алкоголя в сельской местности. В Средне-Волжском районе из 1900700 дворов было проанкетировано 536796, т.е. 28,2% хозяйств (по РСФСР – 26,7%) (Алкоголизм в современной деревне. М., 1929. С. 15). Полученные данные оказались уникальными, поскольку ни до, ни после аналогичной работы не проводилось.

В условиях социально-политических трансформаций 1920-х гг. исследователи оказывались в сложной ситуации. В перспективы научного поиска все отчетливее вмешивались идеи борьбы с «пережитками» в по-

вседневной жизни, что проявлялось в стремлениях изменить «закостенелый» крестьянский быт. Культура, повседневная жизнь превращалась в арену соперничества традиционных и модернистских начал. Выступая за обновление крестьянского быта, исследователи подчеркивали, что борьба с пережитками должна вестись грамотно, не разрушая положительного опыта, накопленного на протяжении веков. Актуально звучали призывы бережно относиться к традиционной крестьянской культуре, избегая лишней критики, особенно в отношении татарского населения.

В 1920-е гг. был приобретен бесценный опыт в изучении вопросов материальной и духовной культуры крестьянства. Несмотря на усиление идеологического контроля, удалось создать солидную источниковую базу для изучения проблем крестьянской культуры в последующие годы.

А.Н. Валиахметов (ТГТПУ, Казань)

Научные традиции в изучении истории гражданской войны в Среднем Поволжье в трудах казанских историков

Историография гражданской войны в Поволжье – одна из востребованных тем в отечественной исторической науке. Счет статей и монографий, диссертаций по этой теме идет на десятки. В центре внимания исследователей находилась как гражданская война в Поволжье в целом, так и отдельные её аспекты: периодическая печать, участие крестьянства, формирование и деятельность антибольшевистских правительств и т.д.

Первые работы, изданные в Казани по истории гражданской войны, появились в 1920-е гг.: в 1921 г. – книга комиссара Революционного комитета и члена Временного гражданского революционного комитета по управлению Казанью и Казанской губернией А.И. Бочкова «Три года Советской власти в Казани. 1917–1920 гг.», представлявшая хронику революционных событий, в 1924 г. – сборник материалов «Борьба за Казань», о «чехо-учредилловской интервенции в 1918 г.».

Первой крупной работой о гражданской войне в Среднем Поволжье явилась изданная в 1939 г. книга М.С. Бубеннова и А.М. Валеева «Освобождение Казани от белоинтервентов в 1918 году». Позднее, в 1956 г., А.М. Валеев переиздал книгу под названием «Освобождение Татарии от интервентов и белогвардейцев в 1918 году». В этих работах нашли отражение боевые действия в Среднем Поволжье, мероприятия комучевцев в Казани (в основном освещались карательные действия), деятельность большевистского подполья, бои за Казань. Обе работы несли на себе отпечаток времени. Так, во всех неудачах на фронте были обвинены «предатели» и «враги народа» – И.И. Вацетис, Л.Д. Троцкий, решающая роль в освобождении Татарии отводилась «великому русскому народу» «во главе с коммунистами» (См.: Валеев А.М. Освобождение Татарии от интервентов и белогвардейцев в 1918 году. Казань, 1956. С. 48, 65, 82, 92).

Основоположниками в изучении истории гражданской войны в Среднем Поволжье из казанских историков можно считать А.Л. Литвина и М.К. Мухарямова (Мухарямов М.К., Литвин А.Л. Борьба за Казань в 1918 году. Казань, 1968; Мухарямов М.К. Гражданская война в Татарии (1917–1919). Казань, 1969; Литвин А.Л., Мухарямов М.К. Решающий рубеж. Казань, 1978; Литвин А.Л. «Дело сдать в архив». Казань, 1986; Литвин А.Л. Казань: время гражданской войны. Казань, 1991). Если работы М.С. Бубеннова и А.М. Валеева охватывали период до осени 1918 г., т.е. до освобождения Казани, то в работах М.К. Мухарямова и А.Л. Литвина изложение было доведено до конца 1919 г. В их трудах Татария рассматривалась лишь как арена для борьбы двух сил: «революции» и «контрреволюции». Решающая роль отводилась «великому русскому народу», пролетариату Петрограда и Москвы; о местных национальных силах писали как о «буржуазных националистах». Однако, в отличие от работ 1930–1950-х гг. впервые было сказано о том, что «в священное дело борьбы против белогвардейцев внесли свою долю все народы многонациональной России» (Мухарямов М.К., 1969. С. 230). Авторы подробно рассматривали планы командования Комуча относительно похода на Москву. В их интерпретации можно проследить известную эволюцию. В работе 1968 г. А.Л. Литвин и М.К. Мухарямов писали, что «командующий чехословацкой группировкой Чечек и комучевский “военный министр”» Галкин возражали против похода на Казань, «ссылаясь на недостаток сил и растянутость фронта» (С. 21). В монографии 1978 г. они указывали, что сопротивление частей Красной Армии под Казанью не позволило войскам Комуча захватить город с ходу и привело к тому, что «планы белочехов и комучевцев, исходивших из быстрого захвата Казани, Свяжска и дальнейшего продвижения к Нижнему Новгороду были сорваны» (С. 68).

В современной историографии предлагается следующее решение этой проблемы. А.В. Иванов на основе анализа решений челябинского съезда легионеров (состоялся в мае 1918 г.) и боевых действий пензенской группы Чехословацкого корпуса пришёл к выводу, что у легионеров не было плана наступления на Москву, более того – «чехословацкий “мятеж” не был заранее спланированной акцией, направленной на свержение большевистского режима. Силовые меры, предпринятые чехами, были реакцией самозащиты. Их целью было скорейшее продвижение на Дальний Восток для последующей эвакуации в Европу» (Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 году // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1997. № 4. С. 21).

Другой сюжетной линией, на примере которой наиболее явственно можно проследить преемственность в изучении истории гражданской войны в Среднем Поволжье, является изучение истории Чехословацкого корпуса. Долгие годы в отечественной историографии вслед за В.И. Лениным выступление корпуса в мае 1918 г. считалось началом вооруженного этапа гражданской войны в России. Подобное мнение можно при-

знать ошибочным с точки зрения формальной логики, т.к. гражданская война – это боевые действия между *гражданами одного государства*. Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что Чехословацкий корпус, принимая участие в событиях гражданской войны, своими действиями (или бездействием) оказал влияние на их ход. В этой связи вполне объяснимо, что история Чехословацкого корпуса в России рассматривалась и продолжает рассматриваться в контексте гражданской войны. Казанские историки не выделяли Чехословацкий корпус в качестве отдельного предмета исследования; при этом обойти его вниманием они не могли.

В отечественной историографии еще с начала 1920-х гг. сложилась следующая схема: руководство Чехословацкого корпуса, стоявшее на контрреволюционных позициях, было подкуплено представителями стран Антанты и в их интересах подняло мятеж. Результатом их выступления стало свержение Советской власти на обширной территории. Чехословацкие легионеры обманом были втянуты в эти события, но в течение нескольких месяцев именно они составляли основу антибольшевистских сил, без поддержки частей корпуса последние были бы нежизнеспособны.

Казанские историки укладывали историю Чехословацкого корпуса в эту схему. Лишь в 1991 г. в работе «Казань: время гражданской войны» А.Л. Литвин заявил, что в ноябре 1918 г. произошли два знаменательных для легионеров события: окончание мировой войны и провозглашение Чехословацкой республики, после чего пребывание корпуса в России стало бессмысленным (С. 60). Таким образом, он одним из первых в отечественной историографии обратил внимание на национальную (а не «националистическую») подоплеку деятельности Чехословацкого корпуса.

В начале 1990-х гг. в Казанском университете под руководством профессора А.Л. Литвина были защищены кандидатские диссертации по историографии гражданской войны в Поволжье (Мальшева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография. Казань, 1991; Прошин О.Г. Отечественная историография Гражданской войны в Среднем Поволжье, 1919–1920 гг. Казань, 1993; Гибадуллина Р.Н. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Отечественная историография. Казань, 1993 и др.). В диссертации Мальшевой большое внимание было уделено рассмотрению историографии Чехословацкого корпуса в России в отечественной и зарубежной историографии, отстаивалась концепция «встречи двух революций», сформулированная в 1989 г. чешским историком К. Рихтером. Согласно этой концепции, в ходе событий в России между собой столкнулись две революции: социалистическая, с одной стороны, и национально-демократическая, с другой. Принципиальное различие между ними привело к трагическому конфликту. В 2005 г. КГУ под руководством С.Ю. Мальшевой была защищена кандидатская диссертация А.Н. Валиахметова «Чехословацкий корпус в России (1917–1920): Историография». В ней Чехословацкий корпус рассматривается не только как участник гражданской войны в России, но и как один из сис-

темообразующих факторов в процессе образования самостоятельного Чехословацкого государства. Особо подчеркивалось, что литература о чехословацких легионах за границей, об их освободительной борьбе составила идеологическую основу молодой Чехословацкой республики.

Традиция изучения истории гражданской войны, заложенная в работах А.Л. Литвина и М.К. Мухарямова, в дальнейшем переросла в традицию изучения историографии гражданской войны в Среднем Поволжье.

А.Н. Егоров (Казанский ГУ)

«Оттепель» и изучение истории Октябрьской революции в Казанском университете

Изучение Октябрьской революции – одна из центральных проблем советской историографии. Ее значение для идеологии предопределило особое внимание руководства страны к тому, чтобы изложение событий отвечало требованиям «текущего момента». До 1956 г. с этой задачей вполне справлялся «Краткий курс истории ВКП(б)». После XX съезда КПСС этому стали мешать не только последствия критики культа личности Сталина для массового сознания, но и реалии взаимоотношений СССР с государствами Восточной Европы.

В докладе рассматривается влияние идеологии «оттепели» (1953-64) на изучение истории Октябрьской революции в Казанском университете.

Ещё до начала открытой критики культа личности Сталина, в советской исторической литературе получила распространение формула «народ – творец истории». Её суть акад. М.В. Нечкина обозначила следующим образом: «Положительное влияние на ход истории выдающиеся деятели могут оказывать лишь в том случае, если эти деятели правильно выражают назревшие задачи общественного развития, коренные интересы народных масс» (Коммунист. 1954. № 16. С. 13). Смещение акцентов в историографии ориентировало на более углублённое изучение «революционного творчества масс». Под этим словосочетанием, в частности, понималось участие трудящихся в деятельности органов революционной власти: советов, фабзавкомов, солдатских и крестьянских комитетов и т.п.

В числе первых казанских учёных, принявших участие в разработке нового направления был И.М. Ионенко. В 1955 г. в Высшей партийной школе при ЦК КПСС он защитил кандидатскую диссертацию «Революционная борьба крестьянства Поволжья в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (по материалам Казанской губернии)». Ещё на этапе сбора материала историк пришёл к выводу, что в реализации аграрной политики на местах большевики изначально действовали в блоке с левыми эсерами. Несмотря на ограничения цензуры Ионенко удалось донести политически «некорректную» информацию до читателей (в том же году диссертация была издана отдельной книгой).

Вслед за крестьянством предметом научных изысканий И.М. Ионенко, в 1960 г. перешедшего на постоянную работу в КГУ, стала другая движущая сила Октябрьской революции – солдаты тыловых частей. Потребность в разработке данной темы возникла давно – в прошлом Казань являлась центром огромного (объединявшего 10 губерний и 2 области), чрезвычайно пёстрого в экономическом и национальном отношении военного округа. Исход борьбы за власть не только в регионе, но и в целом по стране напрямую зависел от поддержки армией того или иного политического лагеря. Кроме того, маргинальные солдатские массы более всего подходили на роль «творцов истории», так как объединяли в своих рядах самые широкие слои трудящегося населения. Итогом многолетнего труда стала докторская диссертация «Революционная борьба и национально-демократическое движение солдатских масс Поволжья и Приуралья в Октябрьской революции» (1966; опубл.: Ионенко И.М. Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть советов. Казань, 1976). Защита состоялась уже после отставки Н.С. Хрущёва, однако её теоретическая составляющая, несомненно, испытала влияние «оттепельной» историографии. Первым, по крайней мере в республике, историк ввёл в широкий научный оборот «материал о блоках и соглашениях большевиков с левым крылом мелкобуржуазных партий и демократических организаций» (Автореф. дис. Казань, 1966. С. 5). Руководствуясь ленинским положением о том, что «при всяком действительно серьёзном и глубоком политическом вопросе группировка идёт по классам, а не по нациям», И.М. Ионенко фактически пересмотрел прежнюю исключительно негативную оценку деятельности Всероссийских мусульманских съездов в июле 1917 года.

Новое видение Октябрьской революции характеризует работы коллег и учеников И.М. Ионенко по университету (А.Х. Бурганова, Р.И. Нафигова, М.К. Мухарямова, Р.К. Валеева, И.Р. Тагирова), чьё становление в качестве профессиональных историков хронологически связано с «оттепелью». Многие из выдвинутых ими в 60-е годы положений и сегодня не утратили актуальности, для того же времени они являлись образцом научной объективности. Наглядным тому подтверждением служат диссертационные исследования А.Х. Бурганова и И.Р. Тагирова.

Докторская диссертация А.Х. Бурганова «Октябрьская революция и мелкобуржуазные партии (март – октябрь 1917 г.)» была написана под влиянием таких политических итогов «оттепели», как развенчание культа личности и признание многообразия путей построения социализма. Умеренная десталинизация общества, как известно, сопровождалась противопоставлением политической линии двух вождей – Сталина, сторонника авторитарных методов управления, и Ленина, проявлявшего гибкость во взаимоотношениях с однопартийцами и союзниками по политической борьбе. Корректировка внешнеполитической линии СССР в Восточной Европе делала парламентский опыт некоторых из стран народной демократии (Польша, ГДР, Чехословакия) «легитимным» в глазах критически

настроенной части советской интеллигенции. Апеллируя в первую очередь к теоретическому наследию Ленина и его соратников (Я.М. Свердлова, М.И. Калинина, А.В. Луначарского и др.) А.Х. Бурганов пришёл к неожиданному для ситуации середины 60-х годов выводу о том, что «многопартийность не исключалась в советской системе диктатуры пролетариата». Более того, по утверждению учёного, ленинское большинство целенаправленно шло к формированию «однородной» – общесоциалистической – коалиции с партиями т.н. мелкобуржуазной демократии, что и получило практическое воплощение в деятельности двухпартийного Совнаркома и представлявшего почти все течения социализма ВЦИКа. «Однако и поскольку эти партии не верили в возможность победы социализма в России и выступили на стороне империалистической буржуазии в смертельную борьбу с Советской властью, они были разгромлены самими трудящимися массами в ходе гражданской войны» (Автореф. дис. Казань, 1966. С. 41). За подобные суждения коллеги обвиняли А.Х. Бурганова в «нахождении на позициях китайских руководителей» (НАРТ. Ф. 1337. Оп. 44. Д. 167. Л. 179-180). В октябре 1966 г. Учёный совет историко-филологического факультета единогласно одобрил диссертационное исследование учёного. ВАК СССР, однако, присудил А.Х. Бурганову степень доктора исторических наук лишь 12 января 1990 г., в условиях серьезных изменений социально-политической обстановки в стране (См.: Королёв В.С. Типичный нетипичный случай // Бурганов А.Х. Кто виноват? Что делать? Кому делать? М., 2005. С. 19-22).

В русле «оттепельной» тенденции к более объективному освещению событий переломного для истории страны 1917 года написана и кандидатская диссертация И.Р. Тагирова «Установление советской власти в Казани (О своеобразии борьбы за победу пролетарской революции на местах)» (1967). До этого момента в местной историографии господствовала точка зрения, согласно которой восстание Казанского военного гарнизона было инициировано специальной директивой ЦК РСДРП(б) от 21 октября. На основании анализа широкого комплекса ранее не использовавшихся или попросту «забытых» источников (к примеру, рапортов и донесений дежурных офицеров гарнизона) учёный пришёл к выводу о том, что «восстание в гарнизоне вспыхнуло как ответная реакция на одну из очередных попыток разоружения солдат-артиллеристов и ареста руководителей военной организации большевиков» (Автореф. дис. С. 5) и, следовательно, никак не соответствовало «модели Петрограда». Продолжая линию своего научного руководителя И.М. Ионенко, И.Р. Тагиров дал максимально взвешенную в тех условиях оценку сотрудничества Казанского комитета РСДРП(б) с левыми эсерами, в рядах которых, в частности, начинал свою политическую деятельность руководитель вооружённого восстания Казанского военного гарнизона Н.Е. Ершов.

Таким образом, влияние «оттепели» на изучение истории Октябрьской революции в Казанском университете способствовало: 1) более

взвешенной оценке сотрудничества большевиков и т.н. «попутчиков» (левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов, украинских социалистов и т.п.) накануне и в первые месяцы после революции; 2) привлечению к анализу деятельности местных советов материалов не только РСДРП(б), но и других левых партий; 3) признанию специфичности октябрьских событий в Казани и Казанской губернии (шире – в провинции); 4) альтернативному толкованию хода революции в первые месяцы после её свершения (время упущенной парламентской альтернативы развития России в интерпретации А.Х. Бурганова).

В целом, изучение истории Октябрьской революции в КГУ в середине 50-х – 60-е гг. можно рассматривать в качестве одного из региональных вариантов «нового направления», которое, хотя и обогатило советскую историческую науку рядом принципиальных положений, не могло выйти за постоянно сужающиеся рамки критики культа личности.

Л.Б. Муллина (ТГГПУ, Казань)

История казанских фабрик и заводов в трудах преподавателей педагогического института

В 1970–80-е гг. в работе кафедры истории КПСС Педагогического института определилось новое научное направление – изучение истории фабрик и заводов. Коллектив кафедры и ряд преподавателей исторического факультета были вовлечены в эту работу. Большую организующую роль при этом сыграл руководитель кафедры проф. М.З. Тутаев.

К тому времени для обращения к истории промышленности сложились благоприятные условия. На государственном уровне было заявлено о необходимости сближения науки с производством, а у предприятий для этого появились финансовые возможности. Были изданы книги по истории льнокомбината им. В.И. Ленина (Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. Казань, 1960), химкомбината им. М. Вахитова (Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината имени Муллачура Вахитова. Казань, 1950), о казанских меховщиках (Сказ о казанских меховщиках. Казань, 1974), о становлении нефтяной промышленности республики (Нефть, газ и нефтехимия Татарии. Казань, 1979). Эти публикации носили единичный характер, были хронологически неполными, а главное, ко второй половине XX в. вступили в строй новые заводы и фабрики; так что сохранялась общественная потребность в продолжении традиции. Две из пяти книг, изданных в исследуемый период учеными кафедры, рассказывали о послевоенных индустриальных переносах и характеризовали главные направления экономического развития республики – машиностроение и нефтехимию (Тутаев М.З., Худяков В.П. Казанский компрессорный (Очерки истории и передового производственного опыта). Казань, 1979; Тутаев М.З., Айтуганов И.М.

Объединение «Органический синтез» (Очерки истории и передового производственного опыта). Казань, 1987). Три других были посвящены инфраструктуре (Фурер Л.Н., Лукьянов Г.М., Сеницына К.Р. Речники Татарии. Казань, 1977; Сеницына К.Р., Тутаев М.З., Ахметов А.Н. Автомобильный транспорт Татарии. (Страницы истории автомобильного транспорта общего пользования). Казань, 1987; Муллина Л.Б., Тыринов В.В. Казанское предприятие тепловых сетей. Очерк истории социально-экономического развития. Казань, 1989). Несомненное достоинство этих изданий – солидная документальная основа. Например, источниковая база книги об автомобильном транспорте республики сложилась из документов центральных архивов РСФСР, центрального архива ТАССР, партархива ОК КПСС, материалов пяти всероссийских журналов автомобильного профиля, шести республиканских газет, трех многотиражек. Авторы всех книг едины в осознании того, что рассказы-вая о том или ином предприятии, надо начинать с исторической ретроспективы появления самой отрасли. В ряде случаев такая предыстория содержит сюжеты, анализ которых представляет самостоятельный научный интерес.

Принципиально важно, что рассказ о том или ином предприятии строился не изолированно, а в органической связи с главными событиями в крае и в стране. Пример тому – факты участия речников на фронтах гражданской войны, например, создание отрядов береговой охраны на шести крупных пристанях, боевой дружины Паратского затона, сражавшейся с отрядами Каппеля-Савинкова у моста через Волгу во время боев с войсками Комуча и белочехов в 1918 г. Запоминаются эпизоды их участия в Сталинградской битве: волгари Камско-Волжского бассейна обеспечивали вывоз раненых, переправу солдат, танков, самолетов (пароходы «Совхозник», «Галактионов», «Сапер» и др.). Подобный подход оказался плодотворным. Нередко анализ событий по значимости выходил за рамки истории конкретных промышленных предприятий.

При всем стремлении авторов к многогранному освещению истории фабрик и заводов, включая сферы жилищную, медицинскую, спортивную, культурно-массовую, на первый план выступала экономическая составляющая: выполнение или невыполнение планов, организационная перестройка, техническое обновление, экономическая рентабельность. Особо выделялись те события, которые имели принципиальное, поворотное значение и повлияли на жизнь города и отрасли. Такими в истории Волжского судоходства явились резкие изменения в условиях судоходства, вызванные строительством Волго-Донского канала, каскада гидроэлектростанций, образованием Куйбышевского водохранилища, из-за чего создалась угроза затопления значительной части Казани. Осуществление в республике экономической реформы 1965 г. стало одним из главных экономических сюжетов. Авторы книг анализировали внедрение принципов совершенствования планирования и экономиче-

ского стимулирования сообразно специфике предприятия. Так, речники кроме прочих мер внедрили порейсовый экономический анализ и систему оценки труда судовых экипажей по показателям прибыли. В книге «Автомобильный транспорт Татарстана» переход на новые методы хозяйствования также выделен в специальный раздел. Внедрение этих методов прослеживалось через организационно-технические преобразования: создание ремонтных бригад и бригад обслуживания по специализированным участкам, принудительно-плановый ремонт оборудования.

Сегодня видно, что на изданиях этих лет (особенно 70-х гг.) лежит отпечаток идеологических стереотипов и штампов времени. Он проявляется прежде всего в стремлении рассматривать периоды в жизни фабрик и заводов непременно в свете выполнения решений очередного съезда КПСС или Пленума ЦК, хотя они могли не иметь непосредственного отношения к данной отрасли. Значительное место отводилось характеристике социалистического соревнования. В ней, как правило, превалировал комплиментарный тон. Между тем уже тогда звучали трезвые голоса о необходимости критического, реалистического подхода к этой громоздкой системе, охватившей многие миллионы людей, о её формальной массовости, о слабом материальном стимулировании.

Следование идеологическим догмам в разных публикациях выражено в разной степени (пожалуй, сильнее всего это сказалось в книге об истории промышленного объединения «Органический синтез», значительная часть которой представляла пересказ решений партийных и советских органов). Исследованные предприятия весьма специфичны, сильно различались исходным сырьем, оборудованием, технологией, готовой продукцией, что с неизбежностью привело к многочисленным упоминаниям о станках, приборах, технологических процессах, причем во многих случаях без необходимых комментариев.

Оценивая серию изданий по истории казанской промышленности, надо иметь в виду, что они были рассчитаны на разную аудиторию: на сам производственный коллектив, на историков и экономистов, на любого интересующегося, так сказать, «человека с улицы». Если для стороннего читателя перечисление сотен имен орденоносцев, передовиков социалистического соревнования, ударников коммунистического труда, изобретателей и рационализаторов, ветеранов труда, участников Великой Отечественной войны, командиров производства в таком объеме кажется необязательным, утяжеляющим изложение, то для работающего на предприятии именно эти страницы представляют непосредственный, а подчас и личный интерес. Очевидно, не во всём совпадающие интересы читателей не всегда можно было гармонизировать.

В целом историки педагогического института внесли весомый вклад в исследование истории промышленности республики. С вводом в строй новых промышленных гигантов потребность в продолжении традиции изучения истории фабрик и заводов продолжает сохраняться.